

Доктор юридических наук профессор
подполковник юстиции А. К. СТАЛЬГЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПРАВА¹

Понятие права является одним из основных вопросов марксистско-ленинской теории государства и права. Это старый и в то же время новый и по-новому актуальный вопрос. Этот вопрос не сводится к определению права, хотя и некоторые наши ученые, не желая или же не умея научно исследовать право как сложное общественное явление, ограничиваются лишь формальным определением, превращенным в догму. Другие же, повторяя слова Энгельса, что «определения не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются неудовлетворительными», и при этом, опуская замечание, что «для обиденного употребления краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо»², отказываются вообще от всяких определений, научное определение права считают ненужным и лишним и превращают науку в описание фактов без необходимых обобщений и выводов. Следует отметить, что как те, так и другие допускают ошибку. Наука нуждается в понятиях и определениях, хотя к ним не сводится.

От трактовки понятия права вообще, а социалистического права в особенности, зависит решение и объяснение многих вопросов государства и права. Так, например, в зависимости от того, как вообще понимается право, решаются вопросы об источниках права, нормах права, правоотношениях, системе права, если только последовательно исходные положения общего понятия права разбиваются и применяются. Могут, конечно, быть и исключения, когда независимо от правильного определения остальные вопросы решаются неправильно или же при наличии неправильного общего понятия отдельные вопросы решаются правильно.

В решении каждого вопроса необходимо разбираться отдельно, раскрывая и выясняя его связь с решением других вопросов.

Первым и отправным вопросом марксистско-ленинского учения о праве является вопрос о сущности права и наиболее характерных формах его выражения и осуществления. В этом и заключается понятие права.

Вопрос о понятии права не менее искажен и запутан неумышленно и умышленно представителями буржуазной юриспруденции, политики, философии, чем вопрос о государстве. Как и в учении о государстве, в учении о праве наиболее остро сталкиваются и выражаются интересы, задачи и идеи противоположных классов в их непрерывной и обостренной классовой борьбе. Вот почему буржуазное правоведение, отражающее эксплуататорские задачи и антинародную сущность политики господствующего класса буржуазии, не может дать и не дает правильного научного понятия права.

Единственно научное понятие права дано, развито и всесторонне освещено в трудах классиков марксизма-ленинизма, к которым необходимо и обращаться.

Согласно материалистическому пониманию истории, т. е. общественных явлений в их единстве и различии, право является надстройкой, возвышающейся над экономической основой классового общества.

В предисловии «К критике политической экономии» Маркс говорит: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹.

Как надстройка, право зависит от экономической основы общества, в конечном счете определяется материальными условиями общества, производственными отношениями. Но не всяким производственным отношениям соответствует правовая надстройка. Вполне возможны производственные отношения и без правовой надстройки. Известен первобытно-общинный строй—тип производственных отношений без государства и права. История идет к полному коммунизму во всем мире, к такой степени развития общества, когда надобность в государстве и праве отпадет.

Право, как и государство, явление классового общества, продукт и проявление непримиримости классовых противоречий, имеет классовый характер, служит одним из средств осуществления задач господствующего класса. В связи с этим различаются определенные экономической и классовой структурой общества, типы государства и права эксплуататорских классов: государство и право рабовладельческое, феодальное и буржуазное. Совершенно новым, принципиально отличным является социалистический тип государства и права, как высший по своей сущности и исторической роли тип государства и права.

¹ Маркс. Избр. произв., т. I, стр. 327, М., 1940 г.

¹ Печатается в порядке обсуждения.

² Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1948 г., стр. 322.

«Право, — говорит Маркс, — никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹.

Понятным поэтому является положение, что «право точно так же не имеет своей собственной истории, как и религия»².

Право не может забежать вперед, быть более высоким по своему типу, чем экономический строй данного общества в данную историческую эпоху.

Право следует за развитием и изменением экономической основы и классовой структуры общества немеханически. Возникнув как определенное общественное явление, право имеет относительную самостоятельность и оказывает влияние на экономическую основу общества, являясь фактором, ускоряющим развитие, тормозящим его или же изменяющим его направление и характер.

В письме к Г. Штаркенбургу (от 25 января 1894 г.) Ф. Энгельс пишет:

«Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они оказывают влияние друг на друга, а также и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, а *конечном счете всегда проявляющейся*»³.

Особо активную, революционно творческую и преобразующую роль играет советское социалистическое право. Оно служит существенным орудием диктатуры рабочего класса в деле преобразования общества, развития и укрепления социалистических общественных отношений и построения коммунизма.

Являясь надстройкой, возвышающейся над экономической основой классового общества, право служит одной из форм, своеобразным отражением экономических отношений и в то же время одним из средств воздействия на эти отношения, способом их регулирования в интересах господствующего класса.

В этой связи необходимо сослаться на слова Маркса, сказанные им в «подготовительных работах» к «Святому семейству», что «религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. — это только *особенные формы производства*, подчиняющиеся его всеобщему закону»⁴.

Среди многочисленных и разнообразных форм экономического развития общества Маркс, имея в виду различия в их единстве, отличает и право, как надстройку над экономическим бази-

¹ Маркс. Критика Готской программы. Избр. произв., т. II, стр. 412, М., 1941 г.

² Маркс и Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 54.

³ Маркс. Избр. произв., т. I, стр. 357—358, М., 1940 г.

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. III, стр. 622.

сом общества и в этом смысле говорит о праве как особой форме производства.

Вопрос же о специфике этой формы является важнейшей и актуальной задачей советской юридической науки.

Для глубокого и всестороннего выяснения понятия права и формулирования его определения необходимо уяснить: 1) классовую сущность права, 2) зависимость права от материальных условий общества, 3) формы выражения права, 4) формы конкретно-практического осуществления, 5) гарантию осуществления, 6) роль и значение, цели и задачи права в регулировании общественных отношений.

Вопрос о классовой сущности права является важнейшим и отправным вопросом. Сущность вообще, сущность всякого явления, предмета — это самое главное, решающее в предмете, определяющее его роль, значение и основные особенности.

Понятие сущности права, как вывод, следует из характеристики буржуазного права, данной Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». Оценивая буржуазные идеи и представления о свободе, образовании, праве и т. д. и подчеркивая их зависимость от производственных отношений, Маркс и Энгельс заявляют:

«Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»¹.

В этих кратких словах Марксом и Энгельсом дана яркая характеристика буржуазного права и со всей ясностью определена его сущность. Выходит, что по своей сущности буржуазное право есть *воля буржуазии*, возведенная в закон.

Определяя так буржуазное право, Маркс и Энгельс в этом конкретном определении выразили общее понятие права, права вообще, всякого права. Сказанное в Манифесте Коммунистической партии по поводу буржуазного права вполне применимо ко всякому праву, к праву любого господствующего класса. Разве не ясно, что право рабовладельческое есть возведенная в закон воля рабовладельцев, право феодальное — возведенная в закон воля феодалов? А разве наше советское социалистическое право не есть возведенная в закон воля рабочего класса и руководимых им трудящихся, которым принадлежит государственная власть? Конечно это так. Следовательно, всякое право есть *возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни этого класса*.

Правом, таким образом, является сама воля господствующего класса. Однако не всякая воля господствующего класса является

¹ «Манифест Коммунистической партии», стр. 73, М., 1948 г.

правом. Для того, чтобы воля господствующего класса была правом, необходимо, чтобы эта воля была возведена в закон.

Что такое «воля господствующего класса» и что означает воля, «возведенная в закон»? На эти вопросы нет еще ясного и определенного ответа.

Прежде всего необходимо отметить, что в данном случае имеется в виду воля не в обычном индивидуально-психологическом смысле и не в смысле просто воли определенного класса, а в смысле *государственной* воли господствующего класса.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» говорят: «Помимо того, что господствующие при этих отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства*, они должны придать своей воле, обусловленной данными определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает частное и уголовное право»¹.

Государственная воля — это высшее обобщение или «всеобщее выражение» воли всего господствующего класса, взятого в целом. В этом смысле воля представляется в виде *закона* — высшего руководящего правила.

«Фразами, — говорит Ленин, — о «ясно выраженной воле» и т. п. отделяться нельзя: воля, если она государственная, должна быть выражена, как *закон*, установленный *властью*; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком»².

В чем же заключается эта воля? В индивидуально-психологическом смысле она состоит в осознанном поведении человека, в его поступках, действиях. Индивид, осознав свои интересы, определяет свои цели, для достижения которых намечает конкретные задачи, приводит себя в движение, действует, совершает определенные поступки. Воля это не «вещь в себе». Воля человека — это особое свойство — способ существования, состояние человека, предполагающее осознанную его деятельность. Чтобы совершить определенный поступок и совершая его, человек воспринимает его, осознает, делает выводы, ставит определенные задачи, направляет свое поведение.

Подобное происходит и с волей определенного класса. Конечно, воля класса не простая сумма воли индивидов, составляющих этот класс, а имеющее свои особенности общественное явление, представляющее собою «всеобщее выражение» воли «всего класса». Воля класса является особым свойством — способом его существования. И класс в классовой борьбе, чтобы совершить те или иные действия, осознает свое положение, условия жизни, делает выводы, ставит определенные задачи, направляет свою деятельность. В этом заключается воля класса. Конкретные условия или побужде-

ния к деятельности господствующего класса неизбежно проходят через государство, которым, в результате обобщений и выводов, формируется и формулируется воля всего класса, как государственная воля господствующего класса.

Говоря о праве, как возведенной в закон воле господствующего класса, основоположники марксизма-ленинизма имеют в виду волю содержательную, конкретно определенную материальными условиями существования господствующего класса, волю как деятельность господствующего класса, осуществление им определенной политики, задач, интересов.

«Все, что побуждает к деятельности отдельного человека, — говорит Энгельс, — неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю. Точно так же и все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс господствует в данное время, — необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это — формальная сторона дела, которая сама собою разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно отдельного лица или целого государства, — откуда оно берется, и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории гражданского общества определялась изменяющимися потребностями класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена»¹.

Вот классический пример материалистического понимания воли господствующего класса.

Понимание права как воли не новость. До Маркса и Энгельса еще философы рассматривали право как волю, но как волю в индивидуально-психологическом смысле, как волю «свободную».

Так, например, Гегель, развивая крайне реакционное идеалистическое учение о государстве и праве, в своей «Философии права» утверждал:

«Почвой права является вообще *духовное*, и его ближайшим местом и исходным пунктом — *воля*, которая свободна, так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство реализованной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа»².

Таково идеалистическое понятие права в высшем своем выражении.

Противопоставляя материалистическое понимание права буржуазному идеалистическому, Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», определяя право буржуазии как возведенную в закон волю буржуазии, подчеркивают, что *содержание этой воли определяется материальными условиями жизни этого класса*.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IV, стр. 311.

² Ленин. Соч., т. XX, стр. 532.

¹ Маркс и Энгельс. Людвиг Фейербах. Соч., т. XIV, стр. 671.

² Гегель. Философия права, стр. 31.

Существенной чертой, особенностью этой воли является то, что она возведена в закон, возведена или поднята на ступень высшего и нерушимого принципа, господствующим классом признана и определена в качестве обладающего государственным авторитетом, общеобязательного руководящего правила — закона, охраняемого от нарушения принудительной силой государства.

Таково право по своей сущности.

Это, поистине, не дает никаких оснований для объявления правом любых фактических волевых отношений, любой воли господствующего класса и ее проявлений, любых действий государственных должностных лиц, оправдывая этим произвол и несправедливость. Думается, что таких лиц среди советских юристов нет. О буржуазных же — речь будет особо.

К сожалению, встречаются «ученые», которые трактовку права как воли господствующего класса, возведенной в закон, велением своей воли или вернее недомыслием готовы объявить «социологизмом и вульгаризацией». Об этих «ученых» можно лишь сказать, что они «слышат звон, но не знают, где он».

Прав академик Вышинский, когда, руководствуясь «Манифестом Коммунистической партии» и подчеркивая сущность права, заявляет, что «Марксизм-ленинизм определяет буржуазное право как возведенную в закон волю буржуазии, волю, содержание которой определяется материальными условиями существования буржуазии»¹.

Сущность является, а явление — это одна из сторон, граней сущности, это «... сущность в одном ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов»².

Применяя знаменитые «элементы диалектики» Ленина и рассматривая процесс познания как «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»³, право необходимо рассматривать с различных сторон, вскрывая сущность в различных явлениях, формах выражения, связях и опосредствованиях.

В своем происхождении и развитии право связано с государством. Государство и право — явления, теснейшим образом взаимно связанные.

Одним из проявлений методологической несостоятельности буржуазного правоведения — отрыв права от государства. Буржуазные ученые и юристы, в особенности западноевропейские, рассматривая государство и право, чаще всего метафизически отделяют их друг от друга, рассматривают право независимо от государства и государство независимо от права. Необходимо отметить превосходство русской юридической науки по сравнению с западноевропейской

и в данном вопросе. Представители русской правовой мысли (напр. Градовский, Коркунов, М. Ковалевский и др.), рассматривая государство и право, подчеркивают их взаимную связь и зависимость.

Марксистско-ленинская теория государства и права исходит из положения, что государство и право первоначально возникли одновременно в едином процессе общественного развития и порождены одними и теми же условиями: общественным разделением труда, происхождением частной собственности, разделением общества на противоположные классы.

В дальнейшем развитии классового общества при переходе от одного исторического типа производственных отношений к другому, класс, восходя к власти, организуясь в господствующий класс, свою волю конституирует как государственную волю, возводит ее в закон. И в этом процессе становления права нового класса велика роль государства.

Роль государства по отношению к праву заключается в том, что при помощи государства господствующий класс: 1) свою волю возводит в закон, в высший руководящий принцип, общеобязательное правило, 2) формулирует свои классовые интересы и задачи, 3) устанавливает руководящие правила в виде обязательных норм, 4) определяет права и обязанности субъектов правоотношений, 5) определяет, какие факты имеют юридический характер и какие последствия они влекут за собою, 6) охраняет нормы права от нарушения принудительной силой.

В общих чертах в этом роль и значение государства по отношению к праву.

Определяя роль и значение государства, Ленин говорит: «Но что такое государство? Государство — это та организация общежития, которая принуждает своих членов к выполнению издаваемых им законов. Но мы не за государство Николая Романова, государство помещиков и генералов, не за государство Керенского, где воля народа подчинялась воле буржуазии и капиталистов. Мы за государство, как за принуждение к социализму, за пролетарское государство, где выполнялась бы воля народа, воля рабочих и крестьян. Нам нужно для этой цели и государство, и мы признаем его необходимым»⁴.

В этих кратких словах с выдающейся силой подчеркнута роль государства в осуществлении воли господствующего класса, роль государства, как такой организации общежития, которая «принуждает своих членов к выполнению издаваемых им законов». В этом особая роль государства.

Государство в свою очередь нуждается в праве. Роль права по отношению к государству заключается в том, что: 1) право служит весьма существенным средством осуществления политики господствующего класса; 2) при помощи права устанавливается

¹ Вышинский, Ленин и Сталин «О государственном праве», «Большевик» № 1, 1939 г., стр. 37.

² Ленин, «Философские тетради», стр. 212.

³ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 87.

и поддерживается необходимый в государстве порядок—правопорядок; 3) при помощи норм права регламентируется (аводится в рамки законности) организация и деятельность органов государства, общественных организаций и граждан; 4) право служит государству мериллом, равным масштабом, способом государственной оценки поведения; 5) право необходимо в качестве формального основания поведения.

Как видно, государство без права обойтись не может. Больше того, право—весьма существенная сторона, принцип государственности. Там, где государство отбрасывает право или умаляет его роль, суживает и ограничивает его применение, оно само теряет существенные черты свои и превращается в орудие произвола и бесправия. Ярким примером служат страны фашистского режима. Показателем развертывания сил реакции и фашизации империалистических государств, в особенности в США и Англии, является отбрасывание правовых форм, сужение и ограничение правовых гарантий личности, всемерное ограничение прав трудящихся, нарушение международных договоров и взятых на себя обязательств.

Связь между государством и правом более глубокая, чем это кажется на первый взгляд. Не только происхождение права связано с государством, но и происхождение государства связано так или иначе с правом.

В отдаленные времена правила в развитии общества, выражавшиеся ранее просто в обычаях, становились затем законом. «Вместе с законом,—говорит Энгельс,—необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение,—публичная власть, государство»¹.

Зависимость права от государства классически определена Лениным, подчеркивающим, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»².

Право—одна из форм выражения и осуществления политики господствующего класса, но не вся и не всякая политика выражается в праве. Право не сводится к политике, не отождествляется с политикой, но и не отрывается от политики. Право всегда имеет политический смысл.

Так как политика, по определению Ленина, «есть отношение между классами»³, «борьба между классами»⁴, «есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»⁵, а право является одной из форм политики, то иная должна быть роль права как одного из орудий, средств господствующего класса для осуществления государственного руководства обществом (диктатуры), для

закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу.

Формой выражения государственной воли господствующего класса—права являются нормы, установленные и охраняемые государством. В правовых нормах слышится голос государства. Нормы права—это выражение воли господствующего класса. Но выражение не формально-внешнее, а как момент, принцип содержания, это сущность права в своем конкретном проявлении. Норма права—это право в конкретном выражении.

Среди всех норм права особый характер и особое значение имеют законы. Закон—это выражение суверенной государственной воли господствующего класса, высшая и основная юридическая норма. Закон—это высшая и основная форма права, это право в высшем своем выражении.

Закон, по определению Ленина,—это «выражение воли классов, которые одержали победу и держат в своих руках государственную власть»⁶.

Вот почему в марксистско-ленинском понятии права закон является весьма существенной особенностью, специфической чертой всей правовой надстройки.

Большим недостатком существующих до сих пор программ и учебных пособий является отделение закона от понятия права, отпеснение его анализа в конце курса и разбор лишь в связи с проблемой «источников права».

Следует отметить, что такое отношение к закону не дает возможности вскрыть и объяснить подлинную его сущность, правильно трактовать многие правовые явления и институты государства и права. Это не дает возможности уяснить важнейшую особенность права и правильно формулировать его определение.

В связи с этим одним из моих конкретных предложений является—в курсах по теории государства и права—вопрос о сущности и основных чертах закона и законности впрямь рассматривать в непосредственной связи с понятием права. Это имеет не только методический, но и методологический смысл.

Право не сводится к законам и иным нормам, изданным государством. Классики марксизма, раскрывая и разоблачая идеалистическую иллюзию, «...будто закон основывается на воле, и при этом на оторванной от своей реальной основы, свободной воле», том на упрекают идеологов буржуазии в том что они «точно так же и право сводят к закону»⁷. Значит, право нельзя сводить к законам. Тем не менее, по примеру буржуазных идеологов, некоторые наши советские юристы сводят право к нормам, изданным различными органами государства.

Необходимо отметить, что не только право, но и законность и правопорядок не сводятся к наличию законов или иных норм

¹ Маркс и Энгельс Соч., т. XV, стр. 70.
² Ленин Соч., т. XXI, стр. 438.
³ Ленин Соч., т. XXVI, стр. 246.
⁴ Ленин Соч., т. XXV, стр. 464.
⁵ Ленинский сборник, т. XXI, стр. 14.

⁶ Ленин Соч., т. XI, стр. 418.

⁷ Маркс и Энгельс т. IV, стр. 53.

права, хотя они для законности и правопорядка имеют существенное значение.

По мнению ученых, сводящих право к нормам, законность сводится к законам и мыслится только в непосредственной связи с ним, как непосредственная реализация их. Им, конечно, не понять разнообразия условий и возможности законности, как реального осуществления в революции созданного революционного права. Уместным будет вспомнить интересное высказывание М. И. Калинина.

«Несомненно,—говорил он,—на первых порах революции законностью является непосредственная борьба штыком. В процессе борьбы законность есть сила. В поле брани штык есть основание всякой законности. Следующая стадия есть чрезвычайное положение. Законность измеряется нашей чрезвычайной комиссией. Но между чрезвычайной комиссией и штыком есть уже огромная разница. Гарантии законности в чрезвычайной комиссии в десять раз больше, чем при штыке на поле брани. Мы пережили первый период, пережили и второй. Теперь—следующая стадия законности. Сущность ее заключается в том, что каждый человек знает, что если он подвергнется репрессии как со стороны государства, так и при спорах и конфликтах между отдельными гражданами, то ему гарантируются определенные процессуальные формы»¹. Сущности этих замечаний не понять тем, кто видит законность только в наличии писаного и заданного закона определенными органами государства и кому чужды особенности революционных эпох.

В связи с нормативным признаком права необходимо отметить, что право, выраженное в нормах, служит одинаковым масштабом, мерилom отношений неравных людей, формальным основанием государственной оценки поведения.

Отмечая особенности права при социализме, Маркс говорит, что «по своей природе право может состоять лишь в применении равного мерил»².

В труде «Государство и революция» Ленин подчеркивает, что право есть «...применение одинакового масштаба к различным людям»³.

В этом одна из характерных черточек права.

Право имеет формы не только своего выражения, но и конкретно-практического осуществления. И эти формы необходимо иметь в виду.

Право осуществляется в форме правовых отношений, корнящихся в материальных условиях общества, особых идеологических или волевых (надстроечных) отношений, при помощи которых господствующий класс, выражая свою волю, формулируя ее

¹ Цитирую по книге Л. М. Кагановича — Местное советское самоуправление, стр. 48, М. 1923 г.

² Маркс Избр. произв., т. II. Критика Готской программы, изд. 1940 г., стр. 453.

³ Ленин. Соч., т. XXI, стр. 434.

в нормах, вводя взаимные отношения лиц (субъектов) в рамки прав и обязанностей — осуществляет государственное регулирование общественных отношений.

Вопрос о правовых отношениях — специальный вопрос, и его освещению следует посвятить самостоятельную работу. Здесь мы останавливаемся на нем лишь имея в виду подчеркнуть специфичность практической стороны права, вопрос об особенности форм реализации права.

Правовые отношения, как специфические волевые, надстроечные отношения, обуславливаются материальными (т. е. производственными) отношениями, являются их опосредствованием и формой государственного регулирования общественных отношений в соответствии с законами и иными нормами права.

Можно утверждать, что правовые отношения возникают и осуществляются в соответствии с нормами права, между лицами (субъектами), по поводу объектов правоотношений, в связи с юридическими фактами. Как видно, не переоценивая и не недооценивая роль и значение норм права, последним отводится видное место среди предпосылок правовых отношений. В особенности активную и творческую роль законодательства необходимо иметь в виду, когда речь идет о социалистических правоотношениях.

Из этого, однако, не следует, что законодатель при помощи норм права—законов, невзирая на материальные условия жизни, на конкретные обстоятельства, в любой момент способен создать любые правоотношения. Специфичность правоотношений не сводится к наличию норм права: для правоотношений кроме них необходимы и другие предпосылки и обстоятельства, о которых речь уже была выше.

К сказанному добавим лишь, что для формулирования своих политических задач, выражения своей воли в нормах, установленных и охраняемых государством, для осуществления в соответствии с ними установленных государством прав и обязанностей субъектов правоотношений классу необходимо иметь правосознание, как одну из форм общественного сознания.

Вот те наиболее существенные стороны, черты, признаки, которыми характеризуется право как по сущности, так и по формам своего выражения.

Мы пришли к выводу, что 1) право по сущности своей это воля господствующего класса, возведенная в закон, что 2) содержание этой воли определяется материальными условиями существования этого класса, что 3) наиболее существенным признаком права являются нормы, установленные и охраняемые государством, что 4) задачей, осуществляемой при помощи права, является государственное регулирование общественных отношений в интересах господствующего класса.

Имея в виду сущность права и его наиболее характерные признаки, можно сформулировать определение права, помня, что научное определение должно выразить в наиболее общем виде сущ-

ность и охватить наиболее существенные стороны, формы выражения этой сущности.

Руководством должно служить замечание Ленина: «Форма, — говорит Ленин, — существенна. Сущность формировава так или иначе в зависимости и от сущности...»¹

Руководствуясь указанным положением и пытаясь формулировать определение права так, чтобы выразить и отметить сущность и наиболее характерные признаки права в их единстве, вспоминаются соображения И. Т. Голякова, высказанные им в 1939 г. на Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук.

Нужно отметить, что большим пробелом нашей научной и учебной литературы является явное игнорирование роли и значения этой сессии и замалчивание высказанных на ней соображений и взглядов. На этой сессии многие вопросы советской юридической науки были уточнены, многие по-новому поставлены и конкретизированы.

В докладе «Основные проблемы науки советского социалистического права» И. Т. Голяков сказал:

«Само собой разумеется, что мы должны исходить из того, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса. Это бесспорное указание Маркса и Энгельса на то, что право есть возведенная в закон воля господствующего класса, с исключительной четкостью определяет классовый характер права. Но если поставить себе целью дать исчерпывающее определение права, то вряд ли можно ограничиться указанием только на этот классовый признак права, являющийся важнейшим.

Очевидно, что, давая юридическое определение права, не обойтись также и без указания на его нормативные признаки, на то, что нормы права обеспечиваются принудительной силой государства»².

В связи с этим, принимая во внимание указанные выше соображения, можно сделать общий вывод, что *право есть возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями существования этого класса, выраженная в системе норм, установленных государством и охраняемых от нарушения его принудительной силой, в целях государственного регулирования общественных отношений в интересах господствующего класса.*

Отмечая классовую сущность права, являющуюся важнейшей составной частью определения, как видно, мы сохранили почти дословно выводы из Манифеста Коммунистической партии, подчеркнули нормативный признак права и указали на задачи или цели, для осуществления которых необходимо право.

Могут сказать, что это определение длинное — «недзя ли покороче?»

Можно, например, сказать, что право есть воля господствующего класса, возведенная в закон и выраженная в системе норм, установленных и охраняемых государством.

Но это определение не содержит весьма существенных положений, отмечающих зависимость права от материальных условий общества, что важно и характерно для материалистического понимания права и противопоставления его идеалистическому. В этом определении нет и указаний на задачи права, на его роль и значение. Вот почему такие сокращения в данном случае могут привести к неточностям и ошибкам.

Иногда высказываются соображения и предложения, чтобы включить в определение права правоотношения и правовую идеологию.

Следует отметить, что такие дополнения только расширят и усложнят определение, ибо эти моменты не являются столь существенными, чтобы их специально подчеркивать и выделять. Не умаляя значения правоотношений, необходимо иметь в виду, что они существенны и имеют практический смысл при решении вопросов права в субъективном смысле. Право же в объективном смысле или же право в смысле правоспособности представляет определенную реальность и независимо от конкретных правоотношений. Но это вопрос специальный и специально его необходимо решать.

Правосознание, как одна из форм общественного сознания, как идеологическое отражение производственных отношений соответствующей эпохи в их юридически-политическом опосредствовании, не является существенным моментом правовой надстройки. Подобно тому как политическое сознание не является моментом определения государства, так и правосознание не является моментом определения права.

Короче говоря, не все пожелания можно удовлетворить, в особенности, если они спорны.

Основными особенностями социалистического права и наиболее существенными моментами его понятия являются:

1) классовая сущность — возведенная в закон государственная воля рабочего класса, как передового класса социалистического общества и руководимых им трудящихся, являющихся его союзниками;

2) определяющая роль диктатуры рабочего класса, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства;

3) выражение этой воли в советских законах и иных нормах, установленных социалистическим государством и охраняемых от нарушения его принудительной силой;

4) цели этого права — государственное руководство социалистическим обществом, регулирование общественных отношений в интересах всех трудящихся, советского народа, в борьбе за уничтожение эксплуатации человека человеком, уничтожение классов,

¹ Ленин «Философские тетради», стр. 142.

² «Проблемы социалистического права», № 3, 1939 г., стр. 118.

преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей и построение полного коммунизма;

5) руководящая и направляющая роль коммунистической партии.

Такова сущность и основные особенности советского социалистического права.

Руководствуясь изложенными выше соображениями и исходя из сформулированного нами общего понятия права, можно сделать вывод и о понятии советского социалистического права.

Советское социалистическое право — возведенная в закон воля рабочего класса и руководимых им трудящихся, воля, содержание которой определяется диктатурой рабочего класса и основывается на социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства, воля, выражаемая в системе норм, установленных социалистическим государством и охраняемых от нарушения его принудительной силой в целях государственного руководства социалистическим обществом в интересах всех трудящихся, советского народа, в борьбе за уничтожение эксплуатации человека человеком, уничтожение классов, преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей и построение полного коммунизма под руководством коммунистической партии.

Понятие права обычно в советской юридической литературе трактуется нормативно. «Нормативизм» в советском правоведении заключается в том, что право сводится к нормам права (правилам поведения), нормативно — односторонне формулируются основные юридические понятия, формально-догматически рассматриваются правовые явления, социально-экономические причины не объясняются, право метафизически отрывается от государства, не выясняется руководящая роль партии в советском государстве, правовые нормы превращаются в средство юридической формалистики.

Характерным примером в этом отношении может служить учебник «Основы советского государства и права», подготовленный Институтом права Академии наук СССР и выпущенный в 1947 г. На 12-й стр. этого учебника дается следующее определение права:

«Право есть совокупность норм (правил поведения), закрепляющих господство класса и выгодных и удобных ему порядков, издаваемых или санкционируемых государством и опирающихся на государственное принуждение».

Следует отметить, что это определение является воспроизведением нормативного определения права, данного в учебнике Голуцкого и Строговича «Теория государства и права», где говорится, что «право есть совокупность правил поведения людей (норм), установленных или санкционированных государственной властью, выражающих волю господствующего класса, применение которых обеспечивается принудительной силой государства» (см. стр. 152—156).

«Первоисточником» этих определений считают определение права, предварительно сформулированное на Первом совещании юристов научных работников в 1938 г. С тех пор это определение считается «общепринятым», исходным и отправным при решении основных юридических вопросов, повторяется без изменений как догма в учебниках и учебных пособиях и служит критерием для оценки людей и их научной и педагогической работы. В соответствии с этим, в силу создавшегося положения на теоретическом фронте советской юриспруденции печатаются лишь работы тех научных работников, которые безоговорочно принимают и исходят из указанного определения. Вот почему об этом необходимо говорить специально.

В полемических выступлениях меня часто упрекают в том, что я, солидаризовавшийся с определением права, «предварительно» сформулированным на Первом совещании научных работников-юристов в 1938 г., на следующем совещании, через год, т. е. в 1939 г., определение права формулировал иначе.

Во-первых, должен отметить, что в 1938 г. определение права было сформулировано лишь «предварительно» или дано было, по словам акад. Вышинского, «только первое приближение к определению»¹. Во-вторых, основной задачей Совещания было не формулирование определения права, а объединение советских юристов, работников теоретического фронта на борьбу за преодоление последствий вредительства в советской юстиции, выяснение основных задач советской юридической науки.

Если впоследствии обнаруживается, что то или иное положение содержит ошибки или неточности, то священным долгом нашим является пересмотреть и изменить устаревшие понятия и определения.

Формальные определения, возведенные на ступень исходных принципов, довлеют над наукой, сдерживают и тормозят развитие научной мысли, толкают научную и педагогическую деятельность на путь формализма.

Вместо изучения и научного анализа реальных общественных явлений в результате этого учебники, учебные пособия и научная литература ограничиваются преимущественно анализом норм права.

Вот конкретные примеры. Советское уголовное право, например, трактуется как «совокупность норм».

«Советское уголовное право,—говорится в учебнике по уголовному праву,—есть совокупность норм, издаваемых социалистическим государством, определяющих, какие действия признаются в нем преступными и какие наказания могут быть применены за их совершение»².

¹ «Основные задачи науки советского социалистического права», стр. 37. М. 1938 г.

² Уголовное право. Общая часть, стр. 3, М. 1943 г.

В соответствии с этим, задачей науки уголовного права является изучение не реальных общественных явлений в виде преступлений и наказаний, а лишь норм, предусматривающих эти явления.

В том, что именно это так, нетрудно убедиться. В том же учебнике на стр. 7 говорится:

«Задача науки советского уголовного права состоит в том, чтобы развернуть юридическое учение (подчеркнуто нами.—А. С.) об отдельных институтах уголовного права в связи с их социально-экономическим содержанием и их исторической обусловленностью».

А что такое институты права, изучением которых должна заниматься наука уголовного права? В учебнике Голунского и Строговича «Теория государства и права» говорится:

«Совокупность правовых норм, регулирующих одно и то же отношение или несколько связанных друг с другом отношений, называется юридическим институтом» (стр. 269).

Из этого следует, что если наукой уголовного права изучаются институты права, а институты права—это нормы права, то, следовательно, наукой уголовного права изучаются нормы права. Такой логический вывод.

В советском уголовном праве не преодолен индивидуализм, некритически воспринятый из буржуазного правоповедения. Субъект, лицо, совершившее преступление, обычно рассматривается вне правовых отношений.

В учебнике по уголовному праву состав преступления обычно излагается формально-догматически по схеме: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона без анализа социально-экономических причин и условий, породивших наиболее типичные преступления и влияющих на их изменение.

Подобно этому трактуется советское гражданское право. В учебнике «Гражданское право» т. I (1944 г.) говорится, что «советское социалистическое гражданское право является отраслью единого советского социалистического права и представляет собой систему норм, определяющих правовое положение организаций и граждан как участников имущественных отношений советского общества, норм, регулирующих эти имущественные отношения, а также связанные с ними личные права граждан на блага, не отделенные от их личности»¹.

Значит, не сами имущественные отношения и формы их регулирования, а лишь нормы (система норм), выражающие эти отношения, являются гражданским правом как отраслью и изучаются наукой гражданского права. Этим и определяется догматизм и схоластика в решении отдельных вопросов гражданского права.

Возникает вопрос: что служит источником такой нормативной односторонности и формализма? При более глубоком изучении вопроса нетрудно убедиться, что источником является буржуазное правопонимание и его пережитки. Так, например, буржуазный

¹ «Гражданское право», т. I, стр. 10—11, М. 1944 г.

профессор Шершеневич говорит, что «таким образом и можно определить право, как правило общественного поведения, поддерживаемое государственной властью посредством угрозы на случай нарушения»¹.

Подобно этому понятие права определяется в «Учебнике Энциклопедии права» белоэмигранта проф. Тарановского.

«Право,—говорит он,—есть не что иное, как один из видов социальной нормы» (стр. 59), что «ближайшим родовым понятием для права является понятие социальной нормы» (стр. 62). «Значит,—заявляет Тарановский,—право есть социальная норма, т. е. правило должного поведения людей в общественной среде» (стр. 62).

К сожалению, многие наши советские юристы в своей научной и педагогической работе повторяют на разные лады перепевы буржуазного правоповедения.

Проповедником нормативного понятия права является Н. Г. Александров, рассматривающий право лишь как один из видов социальных норм. Подобно Тарановскому, право им понимается и формулируется «как такая особая историческая разновидность социальных норм, к соблюдению которых может принуждать аппарат государственной власти»².

Методологическая порочность этой трактовки понятия права состоит в том, что ее защитниками раздувается одна из форм, сторон, черточек права и возводится в абсолют. Вот почему мы и упрекаем авторов ряда произведений в *нормативной односторонности*.

Следует отметить, что нормативный уклон, или, как мы говорили, нормативная односторонность, в советской юридической литературе отличается от нормативизма буржуазного, к примеру, развиваемого Кельзеном и его последователями.

В советской юридической литературе нормативизм маскирован, заслонен фразами о марксизме, о воле господствующего класса как источнике права, о непримлемости нормативизма и т. д. В выводах и определениях часто даже подчеркивается, что право не просто разновидность социальных норм, а совокупность норм, выражающих волю господствующего класса. А некоторые для большей убедительности, а может быть и компромиссного решения вопроса ставят знак равенства между определением права, данным в Манифесте Коммунистической партии, и нормативным определением.

По существу же, говоря философским языком, это означает отождествление сущности и явления, содержания и формы, отождествление государственной воли господствующего класса и норм, ее выражающих.

¹ Шершеневич. Общая теория права, стр. 77, М., 1908 г.
² Н. Г. Александров. К вопросу об определении права. Научная сессия ВИЮН, посвященная столетию Манифеста коммунистической партии. Тезисы докладов, стр. 12, М., 1948 г.

Ход мысли современных нормативистов в советской юридической литературе напоминает рассуждения эмпириокритиков, сводящих понятие материи к комплексам ощущений, а в конечном счете к идеям и представлениям, в то время как идеи и представления являются лишь своеобразными отражениями объективной реальности—материи.

Нас спросят о смысле данного сравнения или намека. Ответим ясно, что упрекаем защитников нормативной концепции права в извращении марксистско-ленинской методологии в сторону юридического догматизма, а следовательно идеализма. И пусть резкость данного вывода не будет воспринята как неожиданность, так как идеалистические извращения и ошибки в процессе познания вполне возможны. Напомним лишь несколько строк из философских тетрадей В. И. Ленина.

«Философский идеализм,—говорит Ленин,—есть, только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное, *überschwenfliches* (Dietzen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолюте, *оторванный* от материи, от природы, *обожествленный*»¹.

Подобное происходит с нормативным понятием права: одностороннее, преувеличенное развитие, раздувание, распухание одной из черточек, сторон, граней, а именно нормы права, возведение ее в абсолюте, объявление при этом воли господствующего класса возведенной в закон не правом.

Таков путь нормативного извращения марксистско-ленинского понятия права.

В советской юридической литературе кроме «нормативного» извращения марксистско-ленинского учения наблюдается еще и другое извращение в виде «социологизма». Это направление заключается в отождествлении права с экономикой, в отбрасывании и игнорировании нормативного признака права, в недооценке правовой надстройки, в отождествлении правоотношений с экономическими и иными общественными отношениями, в затушевывании правовых явлений социально-экономическими фактами и мотивами, в замене конкретного юридического анализа односторонним социологизированием. Это направление принижает роль и значение советского закона и законности.

Конкретными примерами этого направления могут служить: стремление заменить государственное и административное право неопределенным понятием «советское строительство», попытки выхолостить органы советского государства и представить их вне юридической регламентации, т. е. без соответствующей компетенции, выраженной в нормах права, стремление заменить нормы пра-

вовые нормами техническими, принижение роли и значения юридической формы, объявление ее «пустой формальностью» и т. д. Понятно, что в юридической практике это приводит к тяжелым последствиям и извращениям. Вместо стабильности советских законов и четкого их применения на практике получается пренебрежительное отношение к нормам права и их нарушение. А крикливая фраза, произносимая часто устами юриста-практика: «Минимум формы, максимум смысла»—служит лишь маскировкой произвола.

Ярким примером грубого искажения советского права является учебник «Административное право» (М. 1946 г.), в котором путем разграничения «управления» и «административного права» оставляется щель для произвола и неправых методов действий органов управления. Идея эта не представляет новосты. Она характерна для обоснования полицейского режима и беззакония.

Особо ошибочным необходимо признать определение административной деятельности. В учебнике говорится:

«Издание актов управления и проведение административного принуждения являются формами, наиболее существенными для исполнительно-распорядительной деятельности» (стр. 8).

Выходит, что административная деятельность только в том и состоит, что органами управления издаются акты управления и проводится административное принуждение. Понятно, что такая трактовка административной деятельности чужда советскому государству.

Вот почему необходима решительная борьба и против этого извращения марксистско-ленинской теории государства и права.

Особая опасность нормативизма и социологизма состоит в том, что в буржуазной юриспруденции и политике они служат задачам наиболее реакционных элементов современных империалистических государств, маскирующих антинародный характер своих устремлений юридическим формализмом и общесоциологической фразеологией.

Вот почему необходима решительная борьба против указанных выше направлений буржуазного правоведения и их влияния.

¹ Ленин. Философские тетради, стр. 328, М. 1933 г.